

18+

ЕВГЕНИЙ МОРОЗОВ

Больные тени

ПОВЕСТЬ

Евгений Морозов

Больные тени. Повесть

«Издательские решения»

Морозов Е. А.

Больные тени. Повесть / Е. А. Морозов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830604-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Однажды Вы узнаете, что приносят с собой любовь и желание. Однажды Вы узнаете, что такое настоящие боль и страх. Но будет уже слишком поздно, потому что Вас поглотят тени. Больные тени потусторонних миров. Что может объединить инвалида и красивую дурочку? Ответы, ужасные и шокирующие, под обложкой. Добро пожаловать! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-830604-4

© Морозов Е. А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	13
5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Больные тени

Повесть

Евгений Андреевич Морозов

Иллюстратор Вероника Юркина

© Евгений Андреевич Морозов, 2016

© Вероника Юркина, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-0604-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

С того момента, когда я понял, что любовь – это неизлечимая болезнь, прошло около пяти лет. И это настоящий кошмар, из-за которого я порой просыпаюсь по ночам и смотрю в тёмный проход двери. Я смотрю и, братцы, клянусь всеми существующими богами, вижу её силуэт. Она как будто охраняет нездоровый алкогольный сон, или хочет сказать...

Конечно, такое бывает, когда ночью, спросонья ты видишь ворох неубранных с вечера вещей или соседнюю кровать, или сушилку. Тебе мерещится большое лицо с искажёнными линиями или страшное животное. Мой дружище, Петруха, говорит: «Это сквозь сон. Я один раз так испугался, что неделю трясушка донимала». Я отвечаю, что нет, сквозь сон можно видеть всегда разные вещи, но когда каждую ночь одно и то же, начинаешь подумывать о смене жилища. Хотя, кажется, это не поможет.

И я шепчу Петрухе:

– Это любовь. Понимаешь? Такая любовь.

– Ты тормоз, Пашенька! Она давно исчезла из твоей жизни. Сколько водки ты выпил с того момента? Столько водки на одну душу – как каток для маленькой улитки. Ты меняешься к чертям собачьим! Шаришь, друг?

Но она узнает, как бы я не поменялся. Всегда узнает потому, что любящая баба – это крест на всей жизни. Нельзя давать даже шанса! Сразу посылайте, дайте пинка, если обычные слова не доходят. Так будет лучше. Хуже всего, когда жуёшь сопли и вселяешь надежды в неокрепшее тело. Но дело-то не в теле, дело в уме, а он, как уже вроде доказали учёные, у баб совсем другой... Под черепной коробкой у мужчин – чётко подогнанный механизм, каждая шестерёнка работает, словно часы. И его нужно постоянно смазывать, понимаете? Пивом, но лучше водкой. Водка очищает ржавчину, делает детальки такими чистыми и...

А у баб под копнами густых волос – сладкий кисель. Качнулась голова, кисель смешался, изменил положение, унёс одни мысли и принёс другие, с самого дна. Чтобы долго говорить об одном и том же, нужно постоянно встряхивать. Ага... Понимаете?

А бабская любовь – она распределяется равномерно, по всей массе киселя. Клеточка за клеточкой, молекула за молекулой. И всё. Там, под коробкой, только любовь да кисель. А ещё, смешавшись, всё к чертям бродит, кипит и шкворчит, как кипящее молоко. Вот так, друзья.

И стоит она в дверях. Смотрит на меня, а я смотрю на неё. Долго. Стоит, тёмная, красивая, наверное. Да, определённо красивая...

– А почему, Паша? – спрашивает Петруха.

– Так, слушай...

2

Мне было двадцать лет. Мы с отцом частенько навещали бабушку, жившую за городом. Чистый воздух, птички поют, красота! Помню бабушкин домик: маленький и уютный, выбеленный, с красной трубой на крыше. Хорошо помню эту трубу. Мы так устроены, что всегда запоминаем вещи, которые принесли нам великое блаженство или чёрную горечь. Среднего не дано. Однажды, отец и я чинили эту самую красную трубу: чистили от накопившейся за долгие года копоти и сажи, разбирали крошившиеся кирпичи и клали новые. Да. Это я хорошо помню; даже чёрную копоть на ладонях и запах прелой гари. Что-то случилось. То ли ветер дунул, то ли я забыл об аккуратности и ступил на скользкое место... Так или иначе, нога моя поехала вниз. Отец попытался спасти меня, но не успел, – рука его хватанула воздух. Ох, как я летел. Помню каждое мгновение: тельце скользило пузом по шершавому шиферу, руки искали спасение. Итогом этого были два отломанных ногтя. Ноги съехали в пропасть, за ними последовало и тело. Высота, прямо скажу, небольшая, но плюхнулся я аккуратно на спину, неплохо так приложившись головой о землю, раскинув руки в стороны.

Сначала, я увидел отца. Он замер на краю крыши.

– Не двигайся! – сказал он.

Почему это? Башка только болит, да и высота не слишком большая, чтобы разбиться в лепёшку.

– Паша, не двигайся, понял? Я сейчас!

Он исчез, а спустя несколько секунд стоял надо мной, угрюмо смотрел на распластавшееся тело.

– Долго так лежать? – спросил я.

– Пока доктор не придёт...

Оказалось, что при падении рука моя угодила прямо на краешек старой, ржавой бороны. Острый зуб пронзил предплечье. Насквозь. Чуть-чуть правее, и был бы весь в дырочку, говорил пришедший доктор Анисимов – полупьяный старикан, с ветеринарным образованием. Человек – тоже животное, любил повторять он и лечил так, как лечил коров и собак. Лечил так людей.

Но за чудесное спасение я расплатился сущим кошмаром, а ещё лишился руки. В принципе, отрезанная конечность и была причиной кошмаров. Боль я всегда переносил стойко, даже перелом в пятом классе не вызвал и тени слёз на лице.

Новость о том, что высокая температура и галлюцинации по ночам, есть следствие гангрены, навело ужас на всё семейство, да и на меня в том числе. А я как будто ждал этого, чувствовал. Дело в том, что на тот самый зубец бороны, который проткнул руку, нагадила одна из бабушкиных куриц. Наседки бродили по двору целыми днями, а загоняли их в сарай только когда наступали сумерки. Анисимов сказал, что дерьмо попало в кровь, оттого и пошло заражение, а отец говорил:

– Нужно было ехать в город. Доисторические методы Анисимова...

Доисторические методы ветеринара Анисимова лишили меня руки. Вот так. В городской больнице сказали, что неправильно лечили, пили неправильные таблетки...

Отрезать руку оказалось единственным спасением. Бабуля настояла на том, что деревенский воздух и здоровая пища помогут быстрее справиться с болями и фантомными ощущениями, благодаря которым я просыпался по ночам с диким желанием дотронуться до чесавшейся правой руки. Но руки не было. Её отрезали, не забыл?

И, вот, моя обитель – это дальняя комната бабушкиного дома. Побеленные стены и потолок, старый телевизор, сравнимый по размерам и весу разве что с мамонтом. А ещё – жутко неудобная кровать. Когда я спал на ней, мне казалось, что задница лежит на полу. Небольшое

окно выходило на маленький лесок; за леском плескалась речка, а деревенские ребятишки не вылезали из воды с утра до вечера. Я слышал их визг и разговоры, подколки и прочую детскую дребедень.

За стеной жила бабушка и Алина...

Алина...

Ей было девятнадцать лет, и я знал, что девушка она, прямо скажем, не от мира сего, да и не от миров дальних. Алина не подошла бы ни одному миру, даже если придумать для неё место. Специальное место.

Утром я просыпался от её тихого голоса. Благодаря «картонным» стенам я слышал каждое слово, сказанное в соседней комнате.

– ...а он надолго к нам?

– Пока не выздоровеет, – отвечала бабушка, шурша веником.

– Как он выздоровеет, если руку отрезали? Представляю, как он скучает по ней.

Я смотрел на культю. Да, слово подходящее. Я ужасно скучал по правой руке.

– Пока заживёт, – говорила бабушка. – Время нужно.

Во дворе отец колол дрова, кудахтали куры, кричал слегка запоздавший петух.

– А куда дели его руку?

– Откуда я знаю?

– Неужели, выкинули?

Снова тишина. Бабушка не знала, что ответить.

Алина была приёмной. Алина была моей сводной тёткой потому, что бабуля любила её, как родную дочь. Родители Алины сгорели заживо в собственном доме, и я невольно думал, как ужасна такая смерть. Любая смерть ужасна, но сгореть заживо – хуже некуда. До последней секунды смотришь, как твоё тело превращается в бесформенный оплавленный кусок. Ужасно, ужасно! Мне кажется, такие люди не должны проходить в рай без очереди, ибо в аду они уже побывали.

Конечно, ужас так и остался в душе бедной девушки. Не знаю были ли она нормальная до, но нормальной после не была точно! Люди относились к ней с пониманием, отвечали на странные вопросы. Нехотя, но отвечали. Алина как будто гордилась тем, что видела обугленные тела родителей, оплавленную, словно пластмасс кожу. Я слышал, как за стенкой она то и дело говорила об этом. Хуже всего, что говорила об этом по ночам, не давая бабушке уснуть. Не давая уснуть мне.

– ...он держал в руках мою куклу, знаешь? – говорила она. – Говорят, что кукла уцелела потому, что он схватил её перед самой смертью, прежде чем выбраться из полыхающего дома. А мама лежала сзади. Она обгорела сильнее, и тело её было похоже на истлевший уголёк. А кукла была у папы в руке.

Два или три дня я слушал это, а на четвёртый, когда солнце опустилось за реку, и лес превратился в апельсиново-укропное пюре, я вышел на крыльцо. Вот там-то в первый раз мы и встретились. Нет, конечно, нам приходилось пересекаться и раньше, но та встреча, в летних сумерках, послужила началом ужасного и тошнотворного...

Я вырвался из комнаты. Свежий воздух прочистил застоявшиеся лёгкие. Да, с этим, конечно не поспоришь, что летние вечера, как первая стопка после затяжного перерыва. Летние вечера после ясной погоды, не те, которые пропитаны сыростью, прелым запахом гнилой листвы или серостью долгого дождя. Настоящие летние вечера – это приятная прохлада, диск солнца, расплавившийся на горизонте, и синее небо с восточной стороны. Воздух свеж и чист, речка темнеет, хватает остатки света, играет с ними, как девушка играет бусинами на шее. Да, твою мать, я любил и люблю летние вечера. В городе таких нет, в городе — дерьмо, а не вечера. Что зимой, что летом. После того, как мама покинула нас с отцом, мы продали дом в деревне

и поселились в городской однокомнатной квартире. И вечерние деревенские закаты остались только в памяти.

Я вздрогнул. Не заметил, как перед носом появилась Алина. Серые лосины и белоснежная блузка, расшитая по поясу и рукавам красными цветочками. Эта блузка – бабушкин раритет, который достался ей от мамы, а той, от её мамы, которая жила в веке, эдак, восемнадцатом. Алина всегда ходила в одной и той же блузке, зато в разных лосинах. Как-то я услышал, как она говорила в соседней комнате:

– ...вторник и солнце светит. Сегодня я пойду на речку и буду купаться с мальчиками. Я надену голубые...

Тот день, когда мы близко познакомились, был для Алины серым.

3

Она так странно встала напротив. Я поднял глаза и увидел острый подбородок, скошенные книзу глаза бурого цвета, распущенные русые волосы на плечах. Алина смотрела на меня и как будто злилась, что я очень долго не замечал её.

– Сидишь?

– Как видишь.

Рядом стояли старые качели. Их ещё дед смастерил. Девушка плюхнулась в скрипучее кресло. Она делала вид, будто наша встреча случайность, но я прекрасно знал, что Алина никогда не выходила из дома после захода солнца.

Так и сидели: я на крыльце, смотрел сквозь деревья, смотрел на речку, и Алина... Она играла босыми ножками. То поднимет одну, то другую, то одну, то другую. Мешковатая блузка скрывала грудь, но я не мог не оценить прямые ноги в серых лосинах и стройные бёдра. Вряд ли Алина когда-нибудь задумывалась об отношениях между мужчиной и женщиной. Если бы задумывалась, то обязательно бы знала, как возбуждают мужчину стройные ноги, облачённые тесной материей. Или знала? Как девушку, с которой можно переспать, я никогда её не воспринимал: Алина жила у бабушки около трёх лет, но толком так мы и не познакомились; она вечно пропадала в саду или в комнате, а мы с отцом уезжали ранним утром, как только вся тяжёлая работа была переделана накануне днём. Да и разговоры о том, что девушка не в себе, отбивали всякий интерес.

К тому же я любил свою Анечку. Не появившись в моей жизни Алина, дело бы дошло до свадьбы.

– Тебе больно?

Я вздрогнул, по телу пробежали мурашки, несмотря на тёплый летний вечер. Она задала вопрос с такой интонацией, словно хотела, чтобы мне было именно больно, и никак иначе.

– Изредка побаливает. Колёса спасают, – ответил я.

– Колёса?

– Таблетки. Обезболивающие.

Она кивнула, её глаза опустились, словно Алина расстроилась или я не оправдал её скромных тайных надежд.

– Я просто слышала, как ты по ночам стонешь.

– Ты вообще не спишь?

– Плохо сплю. Снится отец. А он умер, и я не хочу тревожить его, стараюсь меньше спать, чтобы папа *там* отдыхал.

Она убрала волосы с плеча и завела прядь за ухо. Алина смотрела на пальцы ног, на босую ступню, которую поднимала и держала параллельно земле, поигрывала белоснежной пяткой и снова опускала.

В тот момент нужно было уйти. Просто встать, попрощаться и уйти; спрятаться в комнате, и ничего бы не случилось. Но я не хотел её обижать.

– И закат сегодня хмурый.

– Прекрасный закат. Ясно так...

– Нет. Видишь, несколько тучек, во-он там! – она ткнула большим пальцем за спину. – Значит, завтра будет дождик. Уже ночью начнётся.

– А! – кивнул я.

Она имела привычку говорить, будто поучает маленького несмышлёного карапуза. Надменно, но ласково. Словно мать родная. Выделяя каждое слово, будто сюсюкается с тобой!

– Когда дождик, изуродованные конечности болят больше всего. Следующие несколько дней тебе будет скверно. А таблетки заканчиваются.

Я открыл рот и посмотрел на неё. Упаковка кетопрофена лежала в комнате, на столе. Алина никогда не заходила туда. Если, конечно, не делала этого в моё отсутствие.

– Откуда тебе известно про таблетки?

– Слушала, – пожалала она плечами. Теперь она смотрела на свои колени.

– Как так слушала?

– Через стену. Две недели назад, в половину одиннадцатого к тебе вошёл отец. Вы говорили с ним о городе. Потом ты спросил про таблетки и пожаловался, что рука жутко болит. Он ответил, что, конечно же, не забыл. А потом кинул пачки на стол. По одной кидал... Так вот: хрусть, хрусть, хрусть! Таблетки падали с таким приятным треском, как будто дрова в печки горят. И я насчитала три пачки. А отец тебе и говорит: каждая по десять. Я и поняла, что это каждая пачка по десять таблеток. Три раза в день по таблетке, сказал твой папа. Нетрудно сосчитать... Прошло ровно две недели, и у тебя осталась последняя пачка, в которой восемь таблеток.

– А если я пропустил какой-нибудь раз? Или боли отступили ещё неделю назад и принимать таблетки больше не нужно?

– Конечно, – кивнула она, – ты мог так делать, но не делал. Ты пил таблетки каждый день, как положено. А завтра начнётся дождь, и рука будет сильно болеть. И тебе придётся пить их не три раза, а гораздо чаще. Мне жаль тебя.

Да, я пил таблетки только в комнате. На столе стоял стакан с водой. Каждый раз, когда я извлекал таблетку, пачка хрустела. Она, конечно же, подслушала и это...

– Ты за всеми подслушиваешь? – не удержался я.

Солнце окончательно расплавилось и утекло за горизонт. Над холмами, за речкой, остался только оранжевый жар, постепенно угасающий. Завели свою песню сверчки, а в кочкарнике, у речки, горланили лягушки.

– А больше не за кем, – ответила Алина. – Мы спим с бабушкой в одной комнате. Моя кровать стоит у той стены, за которой спишь ты. Я пыталась подслушивать, когда там никого, но это неинтересно. Людские звуки – приятней. Люди звучат жизнью, а пустота звучит по-другому.

Снова дрожь. Мурашки по спине, пальцы стали холодными. Я бы предпочёл страху похмельный синдром, но тогда ещё не знал такого недуга.

– Ты подслушиваешь, даже когда комната пуста?

Мне не очень понравилось, что в моё отсутствие в комнате есть какие-то звуки. А ещё я знал, что эта мысль будет ночным кошмаром. Любое опровержение! Любое, мысленно молил я Алину. Запой сверчком, упади и начни биться в припадке, – докажи, что ты ненормальная, и слова твои – бред сивой кобылы!

Вместо этого она сказала:

– Там всё время шепчутся. Знаешь, как будто что-то очень плохое затевают. Монотонно, но слов не разобрать. Я вообще не уверена, что шепчутся на нашем языке. Один раз он остался один...

– Он?

– Ну, да. Голос я сразу узнала, но он был один. Тихо плакал, скрипел кроватью, на которой ты сейчас спишь. А потом ушёл. Шуршали половицы, но дверь не открывалась.

Алина говорила спокойно, словно перечисляла ингредиенты для салата.

– Вот как, – кивнул я, и вряд ли смог унять дрожь в голосе.

– Пустоты не бывает. Даже когда мы уходим из квартиры, запирая её на ключ, там всегда есть звуки. Очень интересно их подслушивать, но они такие сухие, что быстро надоедает. Ты же не думаешь, что люди одиноки? Я не верю, что ты так глуп! Бабушка не глупа, но ужасная трусиха. Она верит в Бога, верит в высшую силу и крестится, увидев чёрную кошку, но всегда кричит на меня, когда я начинаю рассказывать, что подслушала ночью в соседней комнате.

Алина задумалась, посмотрела вдаль и продолжила:

– Нет... днём, всё-таки, реже. Ночью, в основном. Я говорю бабушке: нечего их бояться, раз они приходят, когда все спят. Раз приходят, когда люди не видят, значит тихие и спокойные... может, грустные. Поэтому и плачут. А ещё, говорю, если бы хотели сделать что-то плохое, если бы могли, то обязательно бы сделали! Перерезали бы нам горла, или подожгли дом. Да, лучше поджечь дом. Так больней.

Я прислушался: бабушка и отец о чём-то беседовали на кухне... на тот случай, если придётся вызывать врача... А, вдруг, припадок? Мне этого очень хотелось. Честно.

– А людские звуки – живые, приятные. Даже когда ты стонешь во сне, я улыбаюсь, потому что это не их стоны. Не стоны в пустой комнате. Ты искренне стонешь, громко. Человек искренен, когда громко.

В руке кольнуло, отдалось в плечо и шею. Я посмотрел на горизонт и увидел, что маленькая тучка, которая была незаметна и напоминала до этого лёгкую печную дымку, по краям стала серой и выросла. Вспомнил про таблетки. Их, правда, осталось восемь штук или около того.

– Алина, – начал я. – А тебе не кажется, что подслушивать нехорошо?

Она пожала плечами:

– Почему нехорошо? Если человек подслушивает из любопытства, просто так, то ничего хорошего, конечно, нету. Хотя и ничего плохого нету. А если человек переживает и слушает, чтобы за стенкой дышали ровно? Чтобы не было хрипов и стонов? Если человек готов прийти на помощь в любую минуту, от того и подслушивает?

– Я тебя уверяю, ничего со мной не случится!

Она, наконец, подняла глаза и внимательно посмотрела на меня.

– Откуда ты знаешь?

4

И с того момента мои спокойные сны канули в лету. То я просыпался от того, что кто-то сидит на краю кровати, сторбившись и упёршись лицом в тонкие, как сучья, руки. Приглядывался, – отпуская; всего лишь вещи на спинке стула да скошенный спросонья глазомер. То в углу кто-то шуршит, словно подол платья царапает пол. Поворачивал голову, долго смотрел в темноту, пока глаза не привыкали. Никого. Со сна померещилось, успокаивался я. А один раз пробудился от тихого плача. Совсем тихого, словно плакали для себя, скромно. Когда слух обострился, плач стал утихать, и я задержал дыхание. Тихо. Так тихо, что я слышал сопение Алины за стеной. Неровное, прерывистое, быстрое, как будто собака дышала после дальнего кросса.

Утром пошёл дождик. После ночных приключений, я проснулся чуть позже обычного. Капли долбили по стеклу, а на улице стояла серая мгла, небо затянуло тучами, лес и речка почернели. Бабушка оставила на столе полный стакан воды и положила рядом серебряную пачку таблеток.

Я встал и поморщился. В культе будто мигала неисправная лампочка, с каждым пучком света выкидывая монотонную тупую боль. Шея и остатки плеча ужасно ныли. Выпив одну таблетку, я лёг обратно на кровать, но боль не утихла. Спустя какое-то время по руке застучали молоточками сотни маленьких пьяных гномиков. Их движения были обрывисты и неровны: то там ударят, то здесь, то у самой шеи. Через десять минут полегчало, а через двадцать всё началось снова.

Ничего же не будет, правда, если я приму ещё одну таблетку? Их же там целых семь...

Второе колесо помогло первому, и они сообща победили гномиков и погасили мигающую лампочку. Я обрадовался, но с тревогой посмотрел на скудные остатки медикаментов. Дело даже не в лекарствах, дело в отцовской машине, которая решила сломаться в самый неподходящий, мать её, момент. Единственный транспорт, на котором можно было выбраться из деревни. Автобусы ходили два раза в неделю. У местного ветеринара, кроме геморроидальных свеч, медикаментов не водилось. Был ещё вариант – пробежаться по соседям. На него-то, как раз, я и уповал, глотая очередную таблетку. Если предсказания нашей дурочки верны, то с такими темпами и семи таблеток вряд ли хватит до вечера, не говоря уже о завтрашнем дне, и о днях последующих.

Я включил радио. Диктор вещал, что непогода может затянуться. Здорово! Прямо в точку. Спустя час я выпил ещё две таблетки. Да, друг, целых две потому, что боль в обрубке стучала адская, как будто гномики сменили молотки на факелы и тыкали пламенем в алое мясо.

Я не жаловался. Бабушка и сама догадалась о моих мучениях. Она вошла в комнату, и всё прочла на измождённом болью лице.

– Господи, Пашенька, ты весь взмок... Болит? – она кивнула на руку.

– Таблетки нужны. Мне не хватит, – вместо ответа процедил я. Было два часа дня, а маленькие товарищи проснулись и начали издеваться над плотью.

Послали за медикаментами отца. Тот оббежал всю деревню, но нужных не нашёл. Только аспирин и парацетамол. Кажется, местные страдали исключительно головными болями и простудой. Посоветовавшись, решили экономить остатки кетопрофена. Отец загнал машину под старый навес и приступил к починке. Обещал всё сделать к вечеру и сгонять в город. Пришлось терпеть. Терпеть получалось с трудом, и я попробовал просто забыть о боли, отвлечь себя чем-нибудь. Прогулявшись по дому, посмотрев старые фотографии и поглазев в серый экран телевизора, я вернулся в комнату и взялся за книгу, но гномики никуда не делись, они были рядом, они были злые, намного злее, чем раньше. Прошло, кажется, немало времени, но каково же было моё удивление, когда я узнал, что минул всего лишь час...

Рука потянулась к пачке, и осталось четыре таблетки.

Я умирал. Мне так казалось. Я не хотел, чтобы бабушка видела мои мучения, я слушал, как отец матерится на улице, как он чинит машину, гремит ключами. А дождь всё шёл и шёл не переставая. И я представил, как тяжело папе под старым навесом, как брызги осадков, скошенные порывистым ветром, кидаются ему на шею, как гадко и сыро в промокшей робе валяться под ржавым Жигулёнком. И мне стало противно, что все страдают из-за меня, а ещё я понял, что роднее близких людей никого нет на свете, и никто не станет, вот так, разбиваться в кровь, чтобы облегчить твои страдания. И только подумав об этом, пожалел Алину, оставшуюся без близких. Она их очень любит. До сих пор.

Я слышал каждый вечер, как они с бабушкой готовятся ко сну, а девушка говорит о том, какой был хороший её папа, какая ласковая мать; а ещё я слышал, что она говорит о них в настоящем времени... Ну, то есть, звучало это примерно так:

«Папа у меня хороший. Мама ласковая». Никаких «был» и «была», как будто это не они сгорели заживо.

Бабушка относилась к Алине, как к дочери, не жалела грошовой пенсии, покупая эти чёртовы лосины. Другого, кажется, ей и не нужно было.

В четыре часа, когда боль немного поутихла, в дверь постучались. Я сразу понял, кто это. Бабушка и отец никогда не просили разрешения войти.

– Паша... это я.

Глаза Алины округлились. Ненадолго, секунды две длилось её удивление, а потом она стала сама собой: ледяной скульптуркой, хрупкой и стройной.

В тот день на ней были надеты ярко-зелёные лосины и неизменная рубаша, волосы стянуты в пучок, голова медленно крутилась на бледной шее, ноги босы. В паху стало тепло, когда я посмотрел на её бёдра и мысленно попросил прощения у Ани.

Алина присела на край кровати.

– Бабушка рассказала мне, как ты мучаешься, – сказала она.

Я – горный орёл, если в тот момент её глаза не сверкнули. Не от счастья, но от какого-то удовлетворения, что ли...

– Осталось четыре таблетки?

– Зачем ты спрашиваешь, если всё прекрасно слышала? – я раздражался всё больше и больше. Мало того, что культя ужасно болела, так ещё эта полоумная сидит с умной мордашкой и пытается учить меня!

– Тебе больно. Ты злишься. Ты злишься и тебе ещё больней.

Она подогнула ноги под кровать, белоснежные ладони лежали на ногах, спина слегка горбилась...

– Ты слышал ночью их, да?

– Я слышал ночью, как ты дышишь за стеной. Знаешь, такое дыхание ненормально, – я вытащил язык и спародировал псину.

– Когда мне снится отец, я всегда так дышу. Сначала бабушка тоже боялась, а теперь привыкла. Когда я сплю, мне нужно поправлять голову, вот так... – она обхватила двумя руками затылок и переместила его влево. – Тогда голова ложится на подушку, и дыхание выравнивается.

– Можно тебя попросить оставить меня?

– Разве я делаю тебе хуже?

Я хотел что-то ответить, но промолчал.

– Мне не нравятся разговоры... с тобой, – я привык бить прямо. Но, сказав это, немного испугался: всё-таки дама полоумная, мало ли чего натворит?

– Я знаю, – она прищурила глаза. – Наверное, у тебя есть девочка, которая не будет в восторге от наших частых встреч, да?

– Господи, какие ещё встречи?! – взмолился я.

– У тебя есть девочка?

– Да!

Она отодвинула голову назад, как будто увернулась от шлепка по носу, тонкие брови превратились в домик, Алина нахмурилась.

– Ты – хороший. Ты её любишь?

– Алина, оставь меня, пожалуйста!

Девушка пожала плечами:

– Как скажешь, – она встала.

Рубашка немного задралась, и пока белая материя возвращалась на место, я успел рассмотреть круглые ягодицы, обтянутые зелёной тканью, и бледную тонкую талию. Мотнул головой, рука снова застонала, гномики стучали молоточками, а другие уже доставали острые кирки.

Стоя в дверях, Алина повернулась.

– У меня есть таблетки, если что. Обезбаливающие. Ты можешь простонать, и я принесу их. Только больше не высматривай по ночам тёмные углы. Так нельзя.

И она исчезла.

5

В пять часов небо начало темнеть. Зашёл отец. Мокрое лицо скорчилось, – он так и не починил машину; порвался какой-то шланг. Но папа поспешил заверить меня, что дядя Гриша, наш сосед по городской квартире, обещал приехать завтра в обед.

– Он привезёт таблетки и поможет с машиной, – отец криво улыбнулся. – Паша... придётся терпеть.

Он ещё не знал, что к этому времени в пачке осталось три таблетки. Он не знал, что за день я проглотил пять. Скоро ночь, и кто его знает, сколько ещё я проглочу? Ответ был прост: три. Потому что больше нет. Боль отступила; маленькие гномики сели отдохнуть, достали из кожаных сумок обеды, приготовленные их жёнами-гномихами. Но скоро... да, да, совсем скоро, они примутся за работу... Тюк, тюк, тюк! БА-БАЦ!

До семи я терпел, а в десять минут восьмого выпил ещё одну. Я не знал, какие могут быть побочные действия от слишком большого количества препарата в крови. Наверное, боль долбила адская, если не скрутило желудок, не выпрыгнула печень, не осыпался позвоночник, и не остановилось сердце. И, наверное... нет, конечно же, конечно же, то, как она сидела на кровати...

То, как она сидела на кровати, было всего лишь совпадением, всего лишь совпадением, мать её раз так! С другой стороны, в голове возникло несколько догадок. Первая, реальная, – ночью Алина заходила в комнату и сидела на кровати, а потом, как только я проснулся, убежала, воспользовавшись моментом, пока мои глаза привыкали к темноте. Вторая, фантастическая догадка, – тут что-то есть, и девушка прекрасно знает, что именно; возможно, звуки и тени возвращаются каждую ночь, на протяжении долгого времени... Нет, была и третья догадка, самая правдоподобная. Ночные галлюцинации. Проще простого, правда?

Но, ёшкин корень, рука так ужасно болела, что я готовился к самому худшему и, как оно обычно бывает, в трудные минуты пустяки нам кажутся великими неразрешимыми проблемами!

Но... зачем она сидела ночью на кровати? Зачем? Зачем?

В десять я проглотил предпоследнюю таблетку. За окном стемнело, в зале отец и бабушка смотрели какое-то шоу. Наверное, это было что-то вроде «Поля чудес» или «Золотая лихорадка». Помните, когда Ярмольник разыгрывал такие маленькие кусочки золота, а помогал ему в этом безмолвный карлик? Господи, почему в тот вечер я придавал этому такое большое значение?

Я с грустью смотрел на книги, но читать не хотелось. Я включил радиоприёмник, но голоса и популярные мелодии заставляли кожу чесаться, фантомные ощущения усиливались, вместе с болью и маленькими жителями обрубка. Я даже придумал название этой стране: «Обрубляндия». Я лежал на кровати, слушал дождь и придумывал, как назвать страну для гномиков, обитающих в остатках руки!

Несколько раз заходила бабушка и узнавала, как мои дела, на что я ей показывал большой палец руки. Дверь закрывалась, и она говорила:

– Всё в порядке, он держится.

Это она отцу, понимал я. Папеньке стыдно. Понятное дело, он не виноват в том, что машина сломалась, но я знал своего родителя, и знал, что он ужасно переживает. Переживает, словно таблетки закончились из-за него, переживает, что не смог тогда удержать меня на крыше. Папа был против деревенской терапии, он ратовал за городские больницы, но в нашей семье всё решала бабушка. И когда мама ушла, ушла и не вернулась, обо всём беспокоилась бабушка. Она как бы взяла на себя все проблемы и переживания, перемолола их и выплюнула счастье. Отец никогда не вспоминал Марию Фёдоровну. Только так в нашем

доме отныне звалась моя мама. И только в прошедшем времени. В нашем доме – в бабушкином доме...

В десять я намеревался позвонить Ане. От неё не было никаких вестей вот уже третьи сутки. Странно, думал я, ведь моя любимая выходила на связь стабильно, каждый день, по вечерам. Добравшись до зала, где стоял красный бабушкин телефон, я набрал номер, но на том конце провода звучали лишь хилые гудки, говорящие о том, что до любимой в этот вечер не достучаться. Боль к тому времени снова начала надоедать, но не так сильно, как прежде.

– Ты что, все таблетки выпил?! – бабушка влетела в комнату, как гоночный болид. Седые волосы напоминали копну соломы, а тусклые зелёные глаза – две пятирублёвые монеты

– Да. Терпеть сил нет, – ответил я.

– Ты с ума сошёл? Это же сильные обезбаливающие! Пожалей печень!

Но я-то знал, что, ни печень, ни другие органы не пострадали. Просто чувствовал. Если они и болели, то гномики в руке стучали громче, и важны были именно они, а не печень и прочая чепуха. Но бабушке мы никогда не перечили, поэтому я, молча, удалился в комнату.

Я решил лечь пораньше. Раньше уснёшь – быстрее исчезнет боль, да и душевная грязь схлынет. Конечно же, нет! Конечно же...

В двенадцать дождь барабанил по стеклу. В час скрипнула кровать в зале – уснул отец, в полпервого Алина начала шептать бабушке свои похоронные песни. Мне же песню пел обрубок. В стране Обрубляндии гномики горланили государственный гимн, стуча по всем возможным музыкальным инструментам.

Бум! По тарелкам. Бум-бум!

И гитарное соло, долгое, пронзительное, грустное.

Взвыл гномик-вокалист, а многотысячная толпа ему подпела, сотрясая страну и руку, заставляя её выкручиваться, ломаться, хрустеть. Соседние страны – плечо и шея, тоже радовались и подпевали. Боже!

Я кинулся к столу. Схватил дрожащими пальцами упаковку с последней таблеткой. Включив ночник, я долго рассматривал серебряную фольгу, а потом извлёк колесо. Круглое, белое, драгоценное колёсико! Пальцы онемели, лоб покрылся потом, и я напрягался, чтобы удержать крохотный кружок. Я глянул на стакан с водой и потянулся за ним. Чёрт побери, я забыл о том, что в руке у меня таблетка! Потные пальцы сплосхвали: колесо выскользнуло, шмыгнуло в темноту, и опустилось где-то там с глухим звуком. Звук, который говорил, что мой сон откладывается на неопределённое время. На очень неопределённое, понимаешь?

Я кинулся во мрак, я искал, дрожащей рукой гладил пол, забрался под кровать, но никаких следов спасительной таблетки не обнаружил. Она просто испарилось. Лёжа на полу, в полнейшей тьме, я вдруг подумал о столах и шуршаниях, о призраке, что сидел на кровати...

Вылез, достал фонарик, поиски продолжились. Дощатый пол был покрыт щелями, большими и не очень, и я смутно понимал, что таблетка попала в одну из них, а, значит, её теперь не достать. Разве что лезть в подпол и рыскать там?

Пробравшись на цыпочках мимо храпящего отца, я оказался на кухне. Темнота пахла жареным луком и остатками позднего ужина. Бабушка всегда готовила в девять, а за стол садились к десяти... Если думать о всяких пустяках, забываешь про боль.

Включив свет в подполе, я поднял квадратную крышку погреба. Только потеряв конечность, понимаешь, как много приходится на две руки.

Крышка выскользнула и упала на ногу. Я прикусил губу. Свет на кухне зажётся.

– Паша... господи! – бабушка стояла на пороге в белой ночнушке, прижав руку к груди. – Ты чего тут?

– Я...

– Зачем туда? С твоей-то рукой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.